

Есть закрытые города, подчиненные задачам военным, стратегическим. Что в большей степени характеризует нашу Самару? Есть ли в нашем городе та или иная доминанта?

К чему должен быть постоянно готов житель большого современного города: к сиротству в многолюдной толпе? к желанному уединению в так называемых «очагах культуры»? к содержательному общению с единомышленниками?

Что такое дух университетского города? Есть ли в том или ином городе узнаваемая духовная атмосфера, отличающая его от других?

РОЛЬ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГОВ

Н.А. Илюхина

Самарский государственный университет

Научное развитие в современных условиях, как известно, характеризуется ускорением: смена научно-теоретических, методологических парадигм происходит гораздо быстрее, чем несколько десятилетий назад. Другой отличительной особенностью переживаемого периода считается сосуществование и интенсивное взаимодействие разных научных направлений не только в мировой, но и в отечественной лингвистике; среди них – традиционные и новейшие. В рамках каждого направления работает множество научных школ, в том числе широко признанных. Кроме того, современная научная ситуация определяется экспансией лингвистики в другие, далеко не только смежные, области научного знания: в когнитологию, социологию, психологию, педагогику и т. д.

В этих условиях возрастает необходимость вносить коррективы в учебные планы филологической специальности, в рабочие программы дисциплин лингвистического цикла. Принципиально важным в про-

цессе обучения студентов становится не только знакомство, но и овладение разными методами, комплексными методиками анализа языка, его функционирования, умение видеть и интерпретировать широкую панораму его внешних системных связей. Такой подход позволит сформировать у филологов готовность профессионально работать в любой сфере деятельности, связанной с филологическим знанием, быть успешными в лингвокультурологической, социолингвистической, психолингвистической областях; быстро адаптироваться в меняющейся профессиональной среде, быть востребованным в новых, возникающих профессиях.

Предметом рассуждения в данной статье являются языковые закономерности, которые можно считать традиционными для языкознания: многозначность лексических единиц, словообразовательные процессы, переносы определений (в том числе эпитета). Однако на предшествующих этапах развития лингвистической мысли, в практике вузовского преподавания эти вопросы не рассматривались в связи друг с другом, были предметом ведения разных отраслей лингвистики и не обнаруживали принципиальных связей друг с другом на уровне языковых механизмов. Разработка лингвокогнитивной парадигмы в рамках более широкого – антропологического – подхода к изучению языка, ориентирующая на широкое взаимодействие со смежными науками, позволяет обнаружить глубинные (ментальные, когнитивные) основания языка и речевой деятельности. Природа ментальных единиц, общие принципы когнитивной деятельности (одним из видов которой является речевая) обуславливают механизмы функционирования языка и позволяют обнаружить сопоставимость языковых явлений, которые вне когнитивной интерпретации представлялись автономными по отношению друг к другу.

Обратимся к связи процессов деривации, переносов языковых единиц и языкового моделирования абстракций с ментальными структурами и рассмотрим их на примере одной из ментальных структур – *пропозиции*.

Процессы концептуализации, номинации, языкового моделирования действительности постоянно привлекают внимание исследователей и подвергаются осмыслению в разных аспектах. Представляет интерес, в частности, то, как механизмы когнитивной деятельности определяют образование и функционирование различных элементов языковой системы.

Весьма значительна в этих процессах роль пропозиции – ментальной структуры («особой оперативной структуры сознания и/или особой единицы хранения знаний в голове человека» [2,137]), которая отражает знания о реалии в аспекте ее типовых ситуативных связей с другими реалиями. Эти типовые связи выражаются в категориях субъекта, объекта, адресата, орудия, места, времени и т. д., объединенных теми или иными конкретными отношениями.

Известны проявления тесной связи этой ментальной структуры с предложением (синтаксической единицей, ментальный каркас которой составляет пропозиция), с системой падежных функций [3]. Пропозициональную структуру непосредственно отражают лексическая семантика и синтагматические связи глагола – ядра предложения и в то же время единицы лексико-семантической системы. Глагол в комплексе с его актантами и сирконстантами представляют проекцию структуры ментальной пропозиции (*подарить* – субъект, адресат, объект; *обитать* – субъект, место).

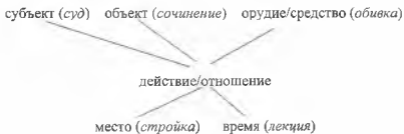
Вместе с тем пропозициональная ментальная структура отражается и на других уровнях и элементах языковой системы, влияет на процессы номинации и моделирования действительности. Обозначу некоторые проявления связи языковых явлений и ментальных пропозициональных структур.

1. Структура словообразовательных гнезд, в центре которых – глагол или существительное, отчетливо отражает в составе словнономинаций следы пропозициональной роли соответствующих компонентов ситуации. Процесс образования слов нередко оказывается подчинен логике пропозиции: родственные слова в таких случаях оказываются объединены одной типовой ситуацией, например: *чи-*

тать – *читатель* – *чтово* – *читалка* ‘читальный зал’: обозначение всей ситуации – обозначение субъекта действия – обозначение объекта действия – обозначение места действия; *писать* – *писатель* (*писарь, писец*) – *письмо* (*писание, писанина, письмена*) – *самописец* (соответственно вся ситуация, субъект, объект и орудие действия). О сходной картине в деривационном гнезде *трапеза* см. далее.

2. Комплекс векторов метонимического переноса слова-названия часто отражает структуру ситуации, с обозначением элементов которой это слово связано: название всей ситуации в результате метонимического переноса становится названием ее элементов: субъекта, объекта, орудия, места, времени. В системе языка обычно закрепляется результат переноса одной лексемы по одному-двум векторам.

В приводимой ниже схеме указаны наиболее очевидные факты такого переноса:

Однако в речи наблюдается более последовательное проявление механизма переноса слова по метонимической логике пропозиционального типа, т. е. фиксируются факты многовекторного переноса одной лексемы, охватывающего все основные компоненты и аспекты типовой ситуации (субъект, объект, орудие, место, время). Например: *Собрание* длилось недолго «мероприятие» – *Собрание* постановило... «участники собрания» – Вопрос был решен *на собрании* «время» (ср.: *еще до собрания* – *уже после собрания*) – Секретаря нет, он *на собрании* «место». Весьма показательны в свете этой картины случаи семантически недифференцированного употребления слова, подвергающегося переносу: *Собрание* убедило меня в необходимости обра-

тяться в суд («итоги обсуждения привели к выводу» или «участники собрания убедили»). Сходную картину дискурсивного семантического варьирования слова по пропозициональной логике демонстрирует состав метонимически производных ЛСВ многих слов¹. Так, меру регулярности в процессе развития метонимически производных значений номинаций с соотносительной семантикой по логике пропозиции подтверждают наблюдения за использованием сочетания *круглый стол* (ставшего названием жанра дискуссии): *Круглый стол* превратился в митинг («мероприятие»). – *Круглый стол* сегодня какой-то неразговорчивый («участники мероприятия»). – *После круглого стола* все разошлись («время»). – *Владимира нет. Он на круглом столе* («место»).

См. результаты переносов слов по метонимической логике, в основе которой – пропозиция, отражающая структуру типовой ситуации: Во время путешествия забываешь названия дней: их заменяют города (Набоков): «место» → «время»; – Ты у нас 31 декабря будешь? – Знаешь, тут такая ситуация... – Хорошо, приходи с ситуацией (из кинофильма): именем ситуации в последней реплике назван компонент этой ситуации (мужчина, с которым героиня собирается вместе встречать Новый год).

Нередко процесс семантической и морфологической деривации можно наблюдать на примере одного слова, которое вовлекается в оба эти процесса по логике пропозиции. В таких случаях обращает на себя внимание факт параллелизма двух процессов, который выражается в том, что эти процессы связывают одни и те же концепты, объединенные отношениями в рамках одной типовой ситуации.

В качестве примера воспользуюсь материалами словаря В.И. Даля, словарная статья в котором включает не только значения конкретного слова, но и родственные ему слова, т. е. фрагменты соответствующего словообразовательного гнезда. Это обстоятельство дает возможность сопоставить набор концептов, обозначаемых, с одной стороны, совокупностью ЛСВ данного слова, а с другой стороны – однокоренными словами, – т. е. концептов, именуемых семантиче-

скими и морфологическими дериватами, и убедиться в параллелизме этих процессов.

Так, слово *трапеза* связано с ситуацией приема пищи. Эта ситуация предполагает такие компоненты, как пища, предмет мебели («стол»), людей, принимающих пищу («едоков»), специальное помещение. Коммуникативно востребованные именованья для этих компонентов ситуации появляются в результате двух параллельно разворачивающихся процессов – семантической и морфологической деривации (в результате появления новых значений у данного слова и в результате образования новых – однокоренных – слов).

С одной стороны, слово *трапеза* развивает многозначность – набор исходного и метонимически производных значений очерчивает состав компонентов ситуации: «стол», «стол с пищей» («пища»), «обед, ужин» («прием пищи»), «столовая» и, как можно предполагать (В.И. Даль не приводит этого значения), «люди, принимающие пищу».

Параллельно морфологические дериваты (производные) этого слова в совокупности с исходным словом покрывают то же денотативное пространство и обозначают те же концепты, связанные с ситуацией приема пищи: *трапеза* («стол», «пища»), *трапезная/ трапезница* «столовая», *трапезник* «обедальщик, кто сидит за трапезой», *трапезовать/ трапезничать* «кушать за столом, столовать, пировать» [Даль 1980, 4: 426]. Добавлю, что аналогично выглядит картина на материале слова *стол* по данным словаря В.И. Даля и современных словарей.

3. Аналогичную конфигурацию представляет комплекс векторов метонимического переноса слова-определения: признак, определяющий один из компонентов ситуации, приписывается как атрибут другому компоненту той же ситуации либо ситуации в целом. Отдельные речевые факты демонстрируют результаты одновекторного переноса. Однако дискурсивная картина обнажает множество векторов переноса одного и того же слова-определения, которые в совокупности отражают структуру пропозиции – более или менее сложную. Начну с простой: У нас была *честная* любовь – «об отношениях влюбленных

до брака в соответствии с моральными нормами» (ТВ. Жди меня): честные субъекты отношения (влюбленные) → честные отношения. Прилагательное, перенесенное в качестве признака с субъекта на объект той же ситуации и регулярно используемое в этой вторичной функции, развивает метонимически производное значение, ср.: *любопытный* человек («испытывающий, проявляющий любопытство») – о субъекте ситуации) и *любопытная* вешница («вызывающая любопытство») – об объекте той же ситуации).

Приведу пример, когда переносимый атрибут определяет более сложную по числу компонентов ситуацию – производство и куплю-продажу товара. В речи работников торговли и в рекламных объявлениях зафиксированы выражения типа У нас *честные весы* (честный продавец → честное орудие его действий); Здесь *самая честная* (торговая) *палатка* (честный продавец → честное место его работы); Цемент. *Честный вес* (честный работник → честный результат его труда). Естественным продолжением метонимических переносов в логике пропозиции является известный слоган *Честный сок по честной цене*, запечатлевший одновременно два вектора переноса: честный производитель сока → честный продукт; честный продавец сока → честная цена. Ср. также: *игривый художник* – *игривый карандаш* – *игривый рисунок*.

В логику пропозициональных метонимических переносов словопределений укладываются факты переноса определений с разных компонентов ситуации на время события. Ср. примеры переноса атрибута

а) с человека, находящегося в определенном состоянии, на время, в течение которого человек находится в определенном состоянии: *счастливое утро, светлая неделя, полусонная ночь*; Надо было понять, почувствовать и прожить эту историю [о роли в фильме] в очень короткие, *нервные сроки* (Чурикова): *нервное состояние актера* → *нервный период* этого состояния; По объявлению в ... журнальчике я очутился, в один *предприимчивый день*, в конторе некоей Mlle Edith...

(Набоков); ...Вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном... (Козлов);

б) с *событий на время*, в течение которого эти события произошли или переживались: *трагическое утро*; Польшов – как когда-то на крыльце трактира, в ту памятную ночь – взял ее за подбородок и вздёрнул голову, всматриваясь в лицо (Пиккуль) Трагическими, памятными были события, которые произошли соответствующим утром и ночью.

4. Векторы метонимического переноса концепта-образа (в рамках метонимической и метафорической моделей) повторяют логику переноса слова-названия и слова-определения: образ, моделирующий один из компонентов ситуации, используется для моделирования (категоризации) другого компонента той же ситуации либо ситуации в целом. См. пример переноса концепта-образа «человек» с творца на орудие его деятельности – перо и чернильницу (олицетворение этих орудий) в рамках ситуации творчества (компонентами которой являются «творец», «произведение», «орудие»): Когда же берег ада Навек меня возьмет, Когда навек уснет *Перо*, моя отрада, И ты, в углу пустом *Осиротев, остынешь*... (Пушкин. К моей чернильнице).

Ср. использующиеся при характеристике той же ситуации творчества переносы пропозиционального типа:

а) слова-названия с орудия деятельности на субъекта-творца: он был золотым *пером* России (*перо* «журналист»);

б) слова-определения с творца на орудие деятельности – *кисть*: Художник-варвар *кистью сонной* Картину гения чернит... (Пушкин); сонный художник → сонная кисть.

В связи с переносом концепта-образа остановлюсь подробнее на выражениях, часто оцениваемых как стертые метафоры, но обязанных своим возникновением акту метонимической замены в предложении одного компонента ситуации другим. В результате замены в позиции грамматического субъекта оказывается объект, орудие и др., моделируемые «по образу» субъекта-человека. Приведу ряд примеров:

Вы (со своим вопросом) подождёте до завтра? → Ваш вопрос подождёт до завтра?; Он с трудом воспринимал происходящее (умом) → Его ум с трудом воспринимал происходящее; Девушка привлекала внимание кокетливой улыбкой (звонким голосом, сумочкой, юбкой, прической, выражением лица и т. д.). → Кокетливая улыбка (сумочка, юбка, прическа, выражение лица, звонкий голос) привлекала внимание.

Во многих случаях логика возникновения таких выражений легко устанавливается: *Метафора соединяет несоединимое ← Человек с помощью метафоры соединяет несоединимое; Это слово называет вид живописи ← Человек этим словом называет вид живописи.* Такие выражения-корреляты Л. М. Васильев называет конверсивами, подчеркивая регулярный характер рассматриваемой замены. Ср. также: *Рифма связывает строки... (Маяковский) ← Автор связывает строки с помощью рифмы; Примитивная новелла... не знает сказа и не нуждается в нем... (Эйхенбаум) ← Создатель новеллы... не знает сказа и не нуждается в нем; Идеино-содержательные мотивы лирики Хераскова и поэтов его окружения готовили почву для сентиментализма и романтизма (Федоров) ← Херасков своим творчеством готовил почву для сентиментализма и романтизма.*

Интроспекция показывает, что в ходе регулярной замены субъекта другими компонентами той же ситуации носитель языка свободно переходит от одной конструкции к другой, расценивая их как синонимические. Сам переход выглядит как технический когнитивный акт, обеспечивающий неограниченный диапазон лексического варьирования позиции грамматического субъекта, в статусе которого оказываются все микроконцепты соответствующей сферы деятельности. См. примеры из научной речи: *Ученый в результате анализа / эксперимента выявил тенденцию... → Анализ / эксперимент выявил тенденцию; Соискатель в своей работе (в своем исследовании, в диссертации/статье/монографии и т. д.) показывает, что... → Исследование/диссертация/статья показывает, что...; Автор пришел к выводу → Исследование/анализ/логика анализа / наблюдение / подсчеты / вы-*

строенные в систему факты / новый подход к объекту и др. привели к выводу.

Замечу, что производные фразы по происхождению не имеют образного характера и являются результатом когнитивного акта замены по логике пропозиции. Следовательно, метонимия (перенос по смежности в рамках одной ситуации-пропозиции) в таких случаях выступает способом глобализации образного моделирования абстракций.

Логика метонимического переноса по пропозициональной схеме способна объяснить происхождение некоторых синтаксических форм, выражающих в простом предложении обстоятельственные и объектные значения: фиксируются два параллельно протекающих процесса: по аналогии с переносом слова-названия происходит перенос предложно-падежной формы, которая становится выразителем нового синтаксического значения.

Так, предложно-падежная форма за + Тв. п. существительного с предметной семантикой является, как известно, средством выражения пространственного значения (*стоит за шкафом, сидит за столом*). Нередко при этом в предложении она выражает синкретическое значение. Например, в составе фраз *Об этом говорили за столом; Она думала об этом за фортепьяно* данная форма одновременно выражает несколько значений – обозначает пространственное положение, подразумеваемый тип занятия (обед, переговоры, музицирование и т. д.) и время этого занятия.

Регулярный метонимический перенос формы за + Тв. п. с конкретного на абстрактное существительное способствует образованию у словоформы производных синтаксических значений. В результате по аналогии с выражениями типа *за столом, за фортепьяно, за станком* возникают конструкции с иным лексическим наполнением – отглагольными существительными с пропозициональной семантикой: *Об этом говорили за обедом / завтраком; садиться за уроки, за переговоры; застать за работой, за диссертацией, за вышиванием, за музицированием*, которые, наряду с указанием на конкретный вид занятий, выражают временное либо объектное значения: *Об этом говори-*

ли за завтраком («время»); *садиться за уроки* («объект»). Те и другие выражения (*за работой* и *за столом*; *за музицированием* и *за фортепьяно*; *за вышиванием* и *за пальцами*) отражают одну и ту же ситуацию, т. е. связаны общностью пропозиции.

По аналогии с конструкциями типа *за работой*, включающими существительные с пропозициональной семантикой, появляются выражения *За беседой/ за разговором/ за дискуссией/ за книгой* провели два часа, которые обозначают ситуации, не обязательно связанные с нахождением за столом или каким-либо инструментом (фортепьяно, прялкой и др.) и выражают исключительно объектное значение (утратив пространственное и временное).

Таким образом, пропозициональная ментальная структура предопределяет логику принципиально разных языковых процессов: номинации (морфологической и семантической деривации); переноса слов-названий (за которым закрепился термин *метонимия*), слов-определений (эпитетов в широком понимании); предложно-падежной формы с одного разряда существительного на другой и концептов-образов (метонимического и метафорического моделирования).

Обусловленность структурой пропозиции делает столь разные процессы соизмеримыми, демонстрирует их своеобразный параллелизм. Попытка взглянуть на языковые закономерности и тенденции в свете связи языка и мышления, связи языковых и ментальных структур позволяет обнаружить новые грани изоморфизма в явлениях, которые ранее не рассматривались в связи друг с другом.

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Русский язык, 1980.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
3. Манаенко Г.Н. Пропозиция как семантическая структура знания // Русский язык и литература рубежа XX – XXI веков: специфика

функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов. – Самара : Изд-во СГПУ, 2005. – С. 160-164.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е.Г. Кашина

Самарский государственный университет

Язык, если рассматривать его как систему дифференцированных знаков, не является средством коммуникации. Он лишь поставляет материал для самых разнообразных способов общения – от наиболее гибких и точных (словесная речь и ее письменное изображение) до упрощенных и огрубленных (сигнализация флажками, светофором, свистком).

Необходимость в передаче сообщений на большие расстояния возникла еще на заре существования человечества, и у разных племен и народов эта задача решалась разными способами. Люди, обитавшие в открытых местностях, пользовались, вероятно, в основном оптическими средствами, например огнем и дымом костров, а также языком жестов. Жители девственных лесов полагались на всевозможные способы звуковой сигнализации. Одно и то же сообщение можно зашифровать по-разному. Например, весть о внезапном вторжении на территорию племени вражеского отряда может быть с равным успехом передана и тремя ударами в барабан, и дымами трех костров. Со временем люди стали изобретать специальные заменители, суррогаты речи, которые могли сохранить основное свойство звуковой комбинаторики естественного языка.

Так, у многих народов были созданы «запасные языки», к которым можно прибегнуть в особых случаях. Это может быть язык свиста, воспроизводимый в разных тональностях. У мексиканских ин-